

УНИВЕРСИТЕТСКИЙ ОБРАЗ НЕУНИВЕРСИТЕТСКОГО ГОРОДА: ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ЧЕРЕПОВЕЦ КАК «СЕВЕРНЫЕ АФИНЫ» (ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ VS ВИЗУАЛЬНАЯ СРЕДА)

А. В. Всеволодов

Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия
vsevolodov12@yandex.ru

**Статья подготовлена в рамках исполнения проекта
«Пространственная среда и социокультурные характеристики
провинциального города в контексте догоняющей модернизации:
доиндустриальный Череповец» при поддержке Российского Фонда
Фундаментальных исследований и Правительства Вологодской области
(проект № 18-49-350002 p_a)**

Определение «Северные Афины» применялось и применяется как инструмент описания города-университета или, по крайней мере, города, известного заметными успехами в сфере просвещения. Для нынешнего Череповца – города, в котором металлургическая и химическая промышленность соседствуют с классическим университетом, созданным в 1996 г., – этот образ приобрёл скорее легитимирующее значение, стал частью локальной политики памяти, трактующей университетский статус как продолжение непрерывной образовательной традиции, начатой в 1860–1890-х гг. Тогда в крохотном уездном центре Новгородской губернии один за другим возникли более десятка разнопрофильных учебных заведений, а численность учащихся достигала одной пятой от всего населения. Прозвище «Афины», как считается, дал городу в начале 1890-х гг. публицист А. П. Субботин. Его слова обычно интерпретируются как доказательство феноменальности упомянутого социокультурного явления. Специальный анализ субботинского текста показывает, что «афинский» образ у него построен на противопоставлении необычно развитой образовательной сферы города, его типичной (в негативном смысле слова) визуальности и скандальной политической жизни. Ироническое снижение Субботиным образа Череповца как «Северных Афин» имело аналогии в более поздней литературе и публицистике, но остаётся почти не замеченным сегодня. Между тем, лишь во второй рецепции начала XX века образ оказался однозначно связан с образовательным прогрессом и утратил иронические коннотации.

Ключевые слова: образ города, Череповец, университет, «Северные Афины», А. П. Субботин, визуальная среда, ирония.

**UNIVERSITY IMAGE FOR NON-UNIVERSITY TOWN:
PRE-REVOLUTIONARY CHEREPOVETS
AS ATHENS OF THE NORTH
(INTELLECTUAL CAPACITY VS VISUAL LANDSCAPE)**

Anton Vsevolodov

Cherepovets State University, Russia
vsevolodov12@yandex.ru

**The study was funded by Russian Foundation for Basic Research
and Government of the Vologda Oblast
(project number 18-49-350002 p_a)**

The definition of “Northern Athens” has been and is being used as a tool to describe a university city, or at least a city known for notable educational successes. For the current Cherepovets – the city in which metallurgical and chemical industry are side by side with the classic university, established in 1996, this image has become rather legitimizing value, became part of a local memory policy, in which university status is seen as part of an ongoing educational tradition begun in the 1860–1890-ies. Then in the tiny County center of the Novgorod province, one after another, there were more than a dozen different-profile educational institutions, and the number of students reached one fifth of the total population. The nickname “Athens” is believed to be given to the city in the early 1890s by the publicist A. Subbotin. His words are usually interpreted as a proof of the phenomenality of the mentioned cultural phenomenon. Special analysis of Subbotin’s text shows that he contrasts the unusually well-developed educational sector of the city, its typical (in the negative sense of the word) visual and controversial political life. Subbotin’s ironic reduction of Cherepovets’s image as “Northern Athens” had analogies in later literature and journalism, but remains almost unnoticed today. However, in the secondary reception of the beginning of XX century it turned out to be definitely linked with educational progress and lost its ironic connotations.

Keywords: image of city, Cherepovets, university, “Northern Athens”, A. P. Subbotin, visual environment, irony.

Современный Череповец – университетский город, хотя, вероятно, не каждый череповчанин согласится с этим определением – не по незнанию или из твёрдого отрицания, а, скорее, потому, что наличие в городе высшего учебного заведения не представляется ему столь же значимым фактом местной жизни, как, например, статус крупного индустриального центра и обеспечивающих его успехи местной металлургии и химии.

Череповецкий государственный университет (ЧГУ), образованный в 1996 г. из Педагогического и Индустриального институтов, возводит себя к трём дореволюционным учебным заведениям: Александровскому техническому училищу, открытому в 1869 г., реальному училищу (1873) и учи-

тельской семинарии (1875)¹. Компенсационная роль такого утверждения, снимающего с вуза всякие подозрения в «искусственности», «новоделности», дополняется легитимирующей. Так истоки высшего образования в городе относятся к эпохе, когда он, не имея ещё университета, уже был назван «Северными Афинами».

Общепризнанно, что впервые применил этот штамп писатель и экономист Андрей Павлович Субботин (1852–1906) в путевых очерках «Волга и волгари»:

Кроме того, от Рыбинска ходят пароходы по Шексне. На этом пути лежит знаменитый город Череповец, или, проще говоря, северные Афины. Правда, этот городок имеет только 4000 жителей и одну порядочную вымощенную улицу, где мостовая имеет значение памятника: по ней не ездят, а объезжают сторонкою, чтобы не сломать экипажа. Зато в городе около 800 учащихся, или по одному на 5 жителей – пропорция такая, какую встретишь только где-нибудь в Цюрихском кантоне. В Череповце имеется реальное училище, женская гимназия, учительская семинария, ремесленное училище, сельскохозяйственная школа и др. Кроме того, в городе имеется окружной суд, так что интеллигенции хоть отбавляй. Сюда посылают учиться из разных мест Новгородской и смежных с нею губерний. Оканчивающие в здешнем ремесленном училище и в техническом отделении реального училища разбираются нарасхват на места механиков, мастеров на пароводные верфи, на заводы и пр. <...> Остаётся также упомянуть, что Череповец единственный город в России, где была упразднена выборная земская управа, распространявшая, по уверению местных охранителей, социалистическую зразу, а взамен её три года действовало казённое управление, только в прошлом году вновь заменённое настоящей земскою управою [Субботин 1894, 90–91].

Действительно, к концу XIX в. Череповец, центр уезда на северо-востоке Новгородской губернии, из всего разнообразия типов светских образовательных институций, известных тогда в России, не имел только мужской гимназии и университета. По концентрации учебных заведений и многочисленности учащихся журналисты того времени сравнивали его то с Оксфордом, то с Гейдельбергом (прибавляя неизменно «русский»), то со швейцарским кантоном, то с абстрактным «американским городом» [Риммер 2019, 123–157]. В ряду этих образов афинский оказался самым жизнеспособным. Можно сказать, он превратился в историографическое клише, применяемое всякий раз, когда требуется охарактеризовать культурную исключительность Череповца. Сам город-носитель при этом может концептуализироваться различно: «городишко с трёхтысячным населением» [Рыбаков 1981, 104]; город, где на десять тысяч жителей 13 учебных заведений, чего нет даже в губернских Вологде и Ярославле [Челноков 1999, 6]; город, во всём похожий на другие уездные города, но обладающий уникальной образовательной «системой» [Рыбников 2018, 8].

¹ См.: <https://www.chsu.ru/history> (дата обращения: 22.08.2019).

В ранней самопрезентации университета цитата из книги Субботина тоже использовалась, но в характерно усечённом виде: «От Рыбинска ходят пароходы по Шексне. На этом пути лежит знаменитый город Череповец, – или, проще говоря, Северные Афины. В городе около 800 учащихся, или по одному на 5 жителей – пропорция такая, какую встретишь где-нибудь в Цюрихском кантоне. В Череповце имеется реальное училище, женская гимназия, учительская семинария, сельскохозяйственная школа». После этих слов сразу упоминалось о создании ЧГУ в 1996 г. [Грызлов 2005, 42].

Итак, принято считать, что, называя Череповец «Афинами», Субботин делал городу безусловный комплимент. Но даже при беглом чтении нетрудно уловить, что «афинский» образ у него, по крайней мере, полифоничен. Сомнения в корректности интерпретации возникают ещё и потому, что любой город, подлинно принимающий столь высокое имя-звание, обязан соответствовать его размаху: не просто обладать известным набором признаков, но быть местом памяти, точнее местом, где память буднично и зримо претворяется в современность. Воспроизводя устойчиво передаваемые образцы и прививая к ним новые (изобретённые или заимствованные), такой город продуцирует иное, чем заложено в исходном материале, содержание культуры. Он принадлежит традиции и стоит на самом её обрыве, неотличим от своего окружения и глубоко чужд ему. Национальное в высшем случае такого синтеза посредничества становится всемирным. Таков, например, Эдинбург – в XVIII в. центр шотландского Просвещения, вполне заслуживающий быть «Athens of the North» уже потому, что городов одного с ним порядка не может быть много [Апрыщенко 2008, 190; Hearn 2003, 68].

Череповецкий казус замечателен, поскольку объектом номинации является город, дважды не подходящий на роль означаемого – нестоличный и неуниверситетский.

Фактуально субботинское описание основывается на численности городского населения в связи с численностью учащихся и количеством учебных заведений, т. е. соотношениях формальных, которые в масштабе уездного города не показательны. Эта основа, к тому же, не одномерна: она располагается в нескольких жанровых и стилистических плоскостях. Когда речь идёт о цифрах, Субботин точен, насколько возможно для постороннего, знакомого с городом поверхностно, однако широко. Но репортажная точность почти сразу оборачивается у него саркастической карикатурностью и одновременно снижающей типизацией: «знаменитый» (необычный, не по-уездному европейский) Череповец, как все российские уездные города, беден нормальными дорогами. Учебных заведений в нём много, а вот мостовая – одна. Это краткое замечание представляет собой, пожалуй, единственный в отрывке элемент чистого травелога, свидетельствующий если не о личном опыте соприкосновения с городской визуальной средой, то хотя бы о её знании. Ключевой тезис о том, что в Череповце достигнуто уникальное в России соотношение количества учащихся и численности городского населения, немедленно иронически снижается указанием на то, что «интеллигенции хоть отбавляй». Далее Субботин применяет тот же прием, говоря о закрытии земства. Неожиданно у «северных Афин» появляется тёмная

сторона; оказывается, что знамениты они не только плодами просвещения, но и вольнодумством – всегдашним спутником таковых. Интересно, что современные авторы, цитирующие Субботина, как правило, искусственно разбивают его текст на две части: комплиментарную, где речь идёт об образовательных достижениях, и «негативистскую», описывающую как раз неудачи в земстве [Риммер 2019, 125, 170], либо используют в своих сочинениях только первую, а вторую игнорируют.

Взятый целостно, образ «Афин» у Субботина диссоциирует и по горизонтали (географически), и по вертикали (жанрово-стилистически). В его структуре можно выделить три плана: травелогический (Череповец – город на Волге, севернее Рыбинска); репортажный (Череповец – знаменитый город, место необычного сосредоточения интеллигенции и учащейся молодёжи; город с бурной политической жизнью); иронически-карикатурный (Череповец – крошечный городок с единственной мощёной дорогой, явно не соответствующий таящемуся в нём интеллектуальному потенциалу). Соответственно, трижды маркируется его исключительность. Это единственный в своем роде город по исполняемой им «культурной роли» (1); по остроте конфликтов в местном самоуправлении (2). Даже по количеству мостовых он исключительно типичен (3). Кажущаяся небрежность, с которой Субботин вначале присваивает Череповцу звание «северных Афин», а потом словно забывает об этом, вообще свойственна публицистическому, журналистскому письму. Н. А. Клюев в газетной заметке 1922 г. о Вытегре дал прямую аналогию «Волге и волгарям»:

В своё время отцы города и уезда приложили немало стараний, чтобы обзавестись гимназией и реальным училищем. Сумели построить даже лучшее каменное здание в городе, привезли квалифицированных педагогов с высшим и специальным образованием, словом, превратили городишко в северные Афины. Сейчас из средних учебных заведений осталась одна школа II ступени, и это бы не беда, да вот загвоздка: педагоги, тщетно вопившие о своих нуждах, тишком да молчком покинули насиженные гнезда, разбрелись по теплым краям. В результате не Афины – а разбитое корыто [Клюев 2010, 728].

Клюевский текст тоже следует логике иронического снижения, однако в нём планка культурного качества для «северных Афин» изначально ставится на более низком уровне, чем у Субботина. Контраст визуальной среды города и его интеллектуального потенциала обозначен чётче: в Вытегре первых советских лет они деградируют, а не пребывают в условно-предельном состоянии, как в дореволюционном Череповце. Финальная стадия этого процесса у Клюева представляет собой катастрофическое столкновение античного прототипа с русской провинциальной действительностью, наполняющей его настолько чуждым и низким содержанием, что и форма опрощается до нужной степени грубости. В итоге Вытегра полностью поглощает «Афины». В сочинении Субботина происходит обратное: «Афины» и Череповец дистанцируются друг от друга как две версии одного и того же города – идеальная и реальная. Чётко обозначенная невозможность получить первую из второй создаёт в пространстве между ними комическое

напряжение, под действием которого образ представляется зрителю / читателю как бы с изнанки.

В том, что конфликт визуального и интеллектуального «выстроен» Субботиным намеренно, но совсем не лишён оснований, можно убедиться, сравнив выбранную им тактику с той, что применяет А. М. Ремизов в отношении губернской Вологды. Роль отсутствующего университета, которую в Череповце выполняли совокупно несколько учебных заведений, здесь брало на себя сообщество политических ссыльных: «Жили на Вологде три титана: Бердяев из Киева, Луначарский из Киева ж и Савинков из Варшавы» [Ремизов 2000, 434]. Его недолгое существование и вызванный этим умственный взрыв подарили Вологде имя «Афин» («и слава о ней гремела во всех уголках России, где хоть какая была и самая незаметная революционная организация, а где её не было!»).

Однако «Северные Афины» Ремизова – не только воспоминание о Вологде ссыльной и особом названии, которое носил этот феномен, но и часть его личного опыта, интимное впечатление, равно отстранённое от политики и городского материального ландшафта – память о пережитом собственном творческом расцвете. В нём доминирует чистая, почти синестетическая визуальность, на которую, собственно, и направлено авторское восхищение: «Нигде во всём мире нет такого неба, как в Вологде, и где вы найдёте такие краски, как реки красятся – только вологодские. <...> За неповторимость и единственность красок “времен года” – какая громчайшая весна и сорокоградусная лютя зимой! – Вологда подлинно Афины – “Северные Афины”» [Ремизов 2000, 477]. Там, где Субботин пользуется готовым штампом, Ремизов, чья литературная техника гораздо изощрённее, создаёт свой собственный. Этот внутренний, частный образ он помещает внутри уже давно известного, не скрывая при этом механику называния: его Вологда сохраняет прямую, не нуждающуюся в обыгрывании географическую привязку и потому скорее должна быть названа по-английски – «Афинами-на-севере». Недостающую «столичность» здесь компенсирует интеллектуальный потенциал ссыльных – людей античного, *титанического* размаха [Розанов 1994, 216–218]. Под стать им становятся климат и неповторимая цветовая палитра северного провинциального города. Но эти оригинально обрамлённые отсылки к греческому первообразу, опять же, снимаются позднейшей публицистической трактовкой. Согласно ей, Вологда как «Северные Афины» – это город, «где благодаря сосланным буквально кипела интеллектуальная жизнь» [Аринин 1986, 4]. Современный академический дискурс, фиксируя визуально-природный компонент ремизовских «Афин» как особой художественной реальности, всё-таки подчиняет его интеллектуальному [Жернова 2015, 272].

Стилистический перепад между «Афинами» Субботина и Ремизова гораздо больше, чем исторический и административный контраст между уездным Череповцом и губернской Вологдой. В таком же отношении находятся друг к другу уездные Вытегра и Череповец («Афины» Клюева и Субботина). Из трёх звеньев этой цепи Череповец – среднее во всём. Его население, статус, известность в пореформенной России много или заметно превышали вытегорские значения, но не достигали вологодских. Похоже

обстоит дело и с применёнными к нему инструментами языка: насмешка Субботина, конечно, далека от ремизовского любования, но и не доходит до грани фельетона, как у Клюева. В связке «интеллект–визуальность» у Вытегры, с поправкой на время описания, наблюдаем деградацию в обоих членах пары. В Вологде одно гармонически дополнено другим. В Череповце умственная среда явно развита сильнее визуальной – и последствия такого дисбаланса для города неоднозначны.

Наблюдателям первых десятилетий XX в. преобладание в Череповце «ума» над «внешностью» открывалось не сразу. Благодаря строгой квартальной планировке город, основанный в 1777 г. из подмонастырской слободы, был чётко зонирован. Он делился на две неравные части главной улицей – Воскресенским проспектом, замыкаемым с юга одноимённым собором. Абсолютно преобладала одно- и двухэтажная деревянная застройка; каменных домов, по данным однодневной переписи 1910 г., было всего 60, а также 10 полукаменных [Перепись 1910, 3–11]. При этом, что заметил Субботин, мостовая была лишь на Воскресенском проспекте, в просторечии именовавшемся Большой улицей. Но даже она была не устроена до конца. Ещё в 1900 г. в южной части улицы до самой Соборной площади и далее по спуску к реке Шексне (так называемая Соборная гора или горка) весной лежала густая грязь². На других улицах, не имевших, естественно, твёрдого покрытия, весенней грязью проблема не исчерпывалась.

А. М. Семёнова-Тян-Шанская, жившая в Череповце с 1917 по 1924 гг., вспоминала:

Кварталы между улицами, за домами, как во всех провинциальных городах, занимали сады и огороды. Почти перед всеми домами были огороженные палисадники с кустами сирени или жёлтой акации. Не было палисадников только на Большой улице, где размещались большие каменные дома — административные учреждения, театр, аптека, магазины. Деревянные дома на ней были двухэтажные, тротуары каменные из известковых плит (такие же, как в Петербурге). А сама проезжая часть была замощена сплошь булыжником, так же как и Соборная площадь. Через неё от главного собора через ворота на Большую улицу шла каменная дорожка, выложенная обтёсанными булыжниками наподобие брусчатки. Все же остальные улицы были вымощены лишь в середине проезжей части. Поэтому весной, осенью и после сильных дождей они представляли собой сплошную грязь и переходить их было очень трудно. Тротуары всюду были деревянные и назывались «мостками», узкие — из четырёх или пяти досок, прибитых к поперечным бревнам типа шпал [Семёнова 2013, 37].

Отсутствие свободных плановых мест в центре города приводило к тому, что вновь учреждаемые учебные заведения приходилось размещать в западной – периферийной – части Череповца. Там, на Александровском проспекте, располагалось реальное училище: «длинное, двухэтажное <...> белое, окружённое огромным садом, занимающим целый квартал и ого-

² Государственный архив Вологодской области. Ф. 881. Оп. 2. Д. 8. Л. 84 об.

роженным со стороны боковых улиц высоким сплошным забором, а со стороны бульвара решёткой» [Семенова 2013, 36]. Неподалеку от него находилось скромное, тоже окружённое зеленью деревянное здание учительской семинарии, а между ними – на пересечении с Крестовской улицей – кирпичное здание городского училища. На юге проспект упирался в парк Соляного городка, с которым соседствовало трёхэтажное, выстроенное в «кирпичном» стиле здание Александровского технического училища. Ближе к центру, на Покровской улице, с выходом по фасаду на Крестовскую, находилась Мариинская женская гимназия – «красное кирпичное, навёрное, двухэтажное здание с большими широкими окнами, огромным рекреационным залом, похожее по архитектуре на Техническое училище» [Семёнова 2013, 36].

Вынужденное сосредоточение на относительно небольшой площади создавало вокруг названных школ особую микросреду, выделявшую их на фоне «ординарного» окружения, прежде всего в сравнении с деловым и административным центром. Формировалась фактически альтернативная Воскресенскому проспекту планировочная ось (Александровский проспект). Прагматика городского образовательного проекта требовала от вмещающей среды прежде всего порядка и рациональности. Даже неизбежная в уездном городе аграризация ландшафта в таком контексте приобрела педагогическую функцию. Очень ясно обозначил это городской голова И. А. Милютин (1829–1907): «Затем у нас есть учительская семинария <...>. При ней устраивается сад и огородничество; семинария приурочилась к полю, к огородам; воспитанники её, будущие учителя, то и дело порываются к упражнениям в поле, как будто чувят в земле всю основу благосостояния» [Милютин 2015, 46].

Применение средового подхода в организации пространства обеспечивало внимательного наблюдателя «плотным» зрительным впечатлением. Писатель И. Ф. Тюменев в 1903 г. отмечал, что вид Череповца «не представляет издали ни особой красоты, ни каких-либо отличительных особенностей». При этом, «проезжая по улицам города, мы видели в нём нечто другое, совершенно необычное в наших маленьких уездных городках, то, что дало ему прозвище “Северных Афин”. Это обилие прекрасных учебных заведений, прекрасно построенных и, судя по внешности, содержащихся в большом порядке. На улицах то и дело попадались ученики в черных блузах, с металлическими пряжками на кушаках» [Тюменев 1903, 1103–1105].

Тюменев говорит о «Северных Афинах» как о закрепившемся за Череповцом прозвище и даёт ему внятную, эмпирически подтверждённую аргументацию. К тому же он, в отличие от Субботина и позднейших авторов, применяет адекватную территориально-административную типологию, рассматривая Череповец в ряду «маленьких уездных городков». Справедливо сказать, что только теперь, во вторичной рецепции, впервые определяется: имя Афин Череповец носит благодаря учебным заведениям — и ничему иному.

Фольклористка и певица Е. Э. Линёва, побывавшая в Череповце летом 1901 г., оставила ещё более характерное описание. Её Череповец – «маленький городок, утопающий в зелени садов и бульваров, почти без мостовых, с деревянными “кладочками” вместо тротуаров». Это «культурный центр

всей округи», «крошечное царство интеллигенции», которому, по мнению жителей, «недостаёт только университета», в котором учащихся и учащихся более половины из шести тысяч населения [Линёва 1909, III].

Линёва видит Череповец как профессионал: аграрный пейзаж у неё не противостоит просвещению, а создаёт ему идилическую рамку. Не рассчитывая найти в «культурном» Череповце нужного ей песенного материала, она обнаруживает не без удивления, что крестьянская исполнительская традиция здесь жива, а сам город во всём тесно связан с сельской округой. Что интеллигентность города – не показная, показывает переданное ею ироническое замечание о недостающем университете. Оно подтверждает, что университетская идея, пусть и в иронической аранжировке, озвучивалась в самом череповецком обществе начала XX в., а не только присваивалась городу извне. Не относясь формально к «афинскому» дискурсу, краткое сообщение Линёвой обосновывает его гораздо убедительнее, чем тенденциозное описание Субботина – и по характеру изображаемого, и в том, что контраст между «провинциальной» негативной визуальностью и «столичной» по системности постановкой образования здесь снимается.

Тем удивительнее, что именно весьма неоднозначный субботинский нарратив и сегодня остаётся продуктивным в городском интеллектуальном пространстве.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Апрыщенко 2008 – *Апрыщенко В. Ю.* Власть символов или символы власти Шотландии в первой половине XIX века // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 25. Москва, 2008. С. 181–204.
- Аринин 1986 – *Аринин В.* «Северные Афины» // Красный Север. 1986. 14 июня. С. 4.
- Грызлов 2005 – ЧГУ: органичный синтез. Интервью с ректором В. А. Грызловым // Высшее образование в России. 2005. № 11. С. 42–49.
- Жернова 2015 – *Жернова Н. С.* Образ Вологды в ранних произведениях А. М. Ремизова // Вологодский текст в русской культуре: сборник статей. Вологда, 2015. С. 271–275.
- Клюев 2010 – Николай Клюев. Воспоминания современников / Сост. П. Е. Подберёзкина. Москва, 2010.
- Линёва 1909 – *Линёва Е. Э.* Великорусские песни в народной гармонизации. Вып. II. Песни новгородские. Санкт-Петербург, 1909.
- Милютин 2015 – *Милютин И. А.* Сочинения / Ред.-сост. А. В. Чернов. Череповец, 2015.
- Перепись 1910 – Результаты переписи города Череповца, произведённой в марте месяце 1910 года. Череповец, 1910.
- Ремизов 2000 – *Ремизов А. М.* Собрание сочинений. Том 8. Москва, 2000.
- Риммер, Бородулин 2019 – *Риммер Э. П., Бородулин М. А. И. А. Милютин.* Дело и река: документально-художественное исследование. Череповец, 2019.
- Розанов 1994 – *Розанов Ю. В.* Литературная жизнь вологодской политической ссылки начала XX века // Вологда. Историко-литературный и краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1994. С. 215–225.
- Рыбаков 1981 – *Рыбаков А. А.* Устюжна. Череповец. Вытегра. Ленинград, 1981.
- Рыбников, Рыбников 2018 – *Рыбников К. К., Рыбников М. К.* Черепане и черепанки Северных Афин: художественно-документальная повесть. Череповец, 2018.

- Семёнова 2013 – Семёнова-Тян-Шанская А. М. Записки о пережитом / Сост. М. А. Семёнов-Тян-Шанский и А. Ю. Заднепровская. Санкт-Петербург, 2013.
- Субботин 1894 – Субботин А. П. Волга и волгари. Путевые очерки. Том 1: Верхняя Волга. Санкт-Петербург, 1894.
- Тюменев 1903 – Тюменев И. Ф. По Мариинской системе (путевые наброски) // Исторический вестник. 1903. Том XCI. С. 1103–1107.
- Челноков 1999 – Челноков Б. В. Так начиналась «Северсталь»: историко-публицистический очерк. Череповец, 1999.
- Hearn 2003 – Hearn J. Big City: Civic Symbolism and Scottish Nationalism // *Scottish Affairs*. 2003. 42. P. 57–82.

REFERENCES

- Apryshchenko 2008 – Apryshchenko V. Yu. Power of Symbols or Symbols of Power of Scotland in the First Half of the 19th Century. *Dialogue with Time. Almanac of Intellectual History*. Vol. 25. Moscow, 2008. P. 181–204. In Russian.
- Arinin 1986 – Arinin V. “Northern Athens”. *Red North*. 1986, June 14. P. 4. In Russian.
- Census 1910 – The Results of the Census of the City of Cherepovets, made in March 1910. Cherepovets, 1910. In Russian.
- Chelnokov 1999 – Chelnokov B. V. So “Severstal” Began: Historical and Journalistic Essay. Cherepovets, 1999. In Russian.
- Gryzlov 2005 – ChSU: Organic Synthesis. Interview with Rector V. A. Gryzlov. *Higher Education in Russia*. 2005, 11. P. 42–49. In Russian.
- Hearn 2003 – Hearn J. Big City: Civic Symbolism and Scottish Nationalism. *Scottish Affairs*. 2003, 42. P. 57–82.
- Lineva 1909 – Lineva E. Great Russian Songs in Folk Harmonisation. Vol. II. Songs of Novgorod. St. Petersburg, 1909. In Russian.
- Milyutin 2015 – Milyutin I. A. Works. Ed. by A. V. Chernov. Cherepovets, 2015. In Russian.
- Klyuev 2010 – Nikolai Klyuev. Memoirs of Contemporaries. Ed. by P. E. Podberezkina. Moscow, 2010. In Russian.
- Remizov 2000 – Remizov A. M. Works. Vol. 8. Moscow, 2000. In Russian.
- Rimmer, Borodulin 2019 – Rimmer E. P., Borodulin M. A. I. A. Milyutin. Business and River: Documental Research. Cherepovets, 2019. In Russian.
- Rozanov 1994 – Rozanov Yu. V. Literary Life of Vologda Political Exile of the Beginning of XX Century. *Vologda. Historical-literary and Local History Almanac*. Vol. 1. Vologda, 1994. P. 215–225. In Russian.
- Rybakov 1981 – Rybakov A. A. Ustyuzhna. Cherepovets. Vytegra. Leningrad, 1981. In Russian.
- Rybnikov, Rybnikov 2018 – Rybnikov K. K., Rybnikov M. K. Cherepane and Cherepanki: People of the Northern Athens: Artistic-documentary Novel. Cherepovets, 2018. In Russian.
- Semenova-Tian-Shansky 2013 – Semenova-Tian-Shansky M. A. Notes on My Experienced. Ed. by M. A. Semenov-Tian-Shansky and A. Yu. Zadneprovsky. St. Petersburg, 2013. In Russian.
- Subbotin 1894 – Subbotin A. P. Volga and Volgari. Travel Notes. Vol. 1. Upper Volga. St. Petersburg, 1894. In Russian.
- Tyumenev 1903 – Tyumenev I. F. On the Mariinsky System (Travel Sketches). *Istoricheskii Vestnik [Herald of History]*. 1903, Vol. XCI. March. P. 1103–1107. In Russian.
- Zhernova 2015 – Zhernova N. S. The Image of Vologda in the Early Works of A. M. Remizov. *Vologda Text in Russian Culture*. Vologda, 2015. P. 271–275. In Russian.

Антон Владимирович Всеволодов

Череповецкий государственный университет, Россия.

Кандидат исторических наук,

научный сотрудник кафедры социальных коммуникаций и медиа.

E-mail: Vsevolodov12@yandex.ru

Anton V. Vsevolodov

Cherepovets State University, Russia.

PhD in History,

Research Fellow of Department of Social Communications and Media.

E-mail: Vsevolodov12@yandex.ru